

БЕЛГОРОД. «Смятение понятий»

23 сентября Белгородский государственный драматический театр им. М.С. Щепкина открыл новый сезон премьерой спектакля «Зыковы» по пьесе М. Горького. Поставил его известный московский режиссер Борис Морозов, давно и плодотворно сотрудничающий с хорошо известной в России труппой белгородцев. С Борисом Морозовым трудилась «московская команда»: художник Анастасия Глебова, организовавшая пространство спектакля таким образом, что в начале и финале спектакля мы видим всех персонажей на фоне рассветных и закатных облаков, а когда действие перемещается в дом, спускается полупрозрачная кулиса, выразительно обозначающая призрачность жизни обитателей, а художник по костюмам Андрей Климов одел всех в стильные, изысканные одежды.

Точность выбора режиссером именно этого материала для постановки оказалась, если позволительно так выразиться, двойной: во-первых, замечательная и очень актуальная для нашего времени пьеса почти

забыта; во-вторых, в будущем году грядет 150-летний юбилей Горького, а драматургия его настолько сильна, настолько выпуклы характеры горьковских персонажей и глубинное, напряженной работой мысли и чувства насыщенное течение событий, что сегодня, в момент острой дуэли русского психологического театра с новомодными изысками, часто довольно поверхностно «прихваченными» из эстетик западного театра, представляется важным не просто для того, чтобы поставить очередную юбилейную галочку. Едва ли не в первую очередь потому, что теперь твердо высказанная позиция Бориса Морозова о незаблемости психологической школы воспринимается как убежденность, основанная на традициях, уроках учителей, опыте творческой и личной жизни. А значит – свидетельствует о стремлении вопреки моде сберечь невывымышленное достояние прошлого...

Написанная в 1913 году, пьеса «Зыковы» входит в круг произведений, появившихся немного раньше или позже не только в европейских странах, но и в азиатских.

Шохин — Д. Евграфов, Софья — В. Васильева

Степка — Н. Чувашова, Софья — В. Васильева

Именно в это время начинает господствовать в литературе тема распада семьи как предвестника утраты нравственных ценностей, передававшихся от поколения к поколению, а значит – и неизбежного следствия: распада мира.

Эта тема звучала в драматургии Генрика Ибсена и Августа Стриндберга, в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» и в «Саге о Форсайтах» Джона Голсуорси, в «Будденброках» Томаса Манна и в «Мелком снеге» Танидзаки Дзюньитиро; разные писатели на протяжении двух десятилетий с небольшим, возвращаясь к концу XIX – началу XX века, осознавали, что ко многим трагическим событиям приводило, в конечном счете, одно и то же – не просто и не только «капитализация» и первые проявления социалистических настроений, но утрата чувства духовного родства, корневых связей, ослабление и разрыв семейных уз, все более расширяющаяся трещина между поколениями отцов и детей.

Борис Морозов ставил свой спектакль, в первую очередь, о распавшейся связи времен и людей; о том, что сегодня этот разрыв дошел до «точки кипения» и приобрел

трагический оттенок во всем, начиная с глубоко узких, семейных отношений и кончая общественно-политическими. Слова бывшего помощника исправника Тараканова, выразительно и очень просто сыгранного **Андреем Тереховым**: «... образовалось смятение понятий, и никто не знает точно, где его место», – воспринимаются остро современно. В «Зыковых» Белгородского театра речь идет о месте человека в жизни: к чему лежит его душа? Что он может дать другим людям? Насколько важно следовать традициям и стоит ли ломать их из собственной лени или прихоти? Что такое, наконец, для человека – его дело: только накопление капитала или стремление исполнить свое назначение?

Антипу Зыкова блистательно играет **Виталий Стариков** – давно уже не доводилось видеть этого мощного артиста в такой «соответствующей» его таланту роли. Невозможно оторваться от его фигуры, застывшей в горьком осознании, что ровным счетом ничего не получилось из брака с Павлой, от глаз, когда он сидит за столом с револьвером в руках, кажется, именно на наших глазах осознавая до конца, что не любовь и не

Зыков — В. Стариков, Павла — В. Ерошенко

страсть свели его с этой вчерашней монашкой, а желание тепла, заботы, которых он так и не получил. И не соперничество с сыном Михаилом было главным с самого начала, а именно эта мучительная тяга к теплу. Но Павла (и это очень точно и во многом неожиданно выстроено режиссером и актрисой) не может ничего дать никому, потому что материнское воспитание направлено лишь на то, чтобы «получать удовольствия», а тонкий монастырский слой поверх этого воспитания научил только соблюдать внешнюю кротость и напевать церковные песнопения. Она и Михаила не любит — просто с ним легко, весело, беззаботно, а это для Павлы главное. Кротость девушки — вымученная, навязанная, постоянно вступающая в конфликт со стремлением жить в свое удовольствие, а потому она не может не только ничего исправить в жизни, в семье Зыковых, но разрушает, истребляет в Антипе порыв к добру и любви. Истинная природа Павлы особенно отчетливо выражена в ее отношении к Шохину (в этой роли очень выразителен **Дмитрий Евграфов**), убитому человеку, покушавшегося на лес, собственность его хозяина. Шохин

давно отмолил свое преступление, прощен всеми, но Павла буквально травит его, вынуждая покинуть дом Зыковых. Прикрываясь страхом перед ним, она постоянно подчеркивает, что Шохин готов убить каждого, отказывая ему в сложном, мучительном чувстве — он выполнял свой долг, но совершил преступление...

Валерия Ерошенко играет в спектакле бессилие Павлы перед жизнью и стремление облечь это бессилие в способ довольно удобного существования: все вокруг должны быть добрыми, но по отношению только к ней; все должны быть переполнены любовью, но только к ней; все должны свято верить в то, что она, Павла — самая добрая и бескорыстная. Не случайно она мечтает о том, чтобы уснуть на несколько лет и проснуться после того, как все само собой уладится и притихнет...

А ее мать, Анна Марковна, в этом спектакле в исполнении замечательно тонкой актрисы **Надежды Пахоменко** усложнена по сравнению с пьесой — образ ее существенно расширен: принимающая, кажется, ко всем щелям, чтобы быть в курсе любой мелочи, происходящей в доме, напряженно прислу-

спивающаяся и приглядывающаяся ко всем, Анна Марковна отнюдь не только о дочери печется, но и о себе, потому что ее философия «получения удовольствий» выработана не для Павлы, а в результате собственного опыта. Можно легко представить себе ее жизнь в молодости, когда только этого она и искала. И – находила. Если не в чрезмерности впечатлений и материальном благополучии, то в сплетнях, пересудах, жадном подсматривании за чужой жизнью...

Любопытно, что начиная еще с 1908 года, с момента работы над «Последними», Горький все больше задумывался о необходимости возрождения жанра мелодрамы. Он писал Л. Сулержицкому: «Думаю о мелодраме, но – особенного типа. Считаю мелодраму настоятельнейшей потребностью времени и необходимостью для России». Поистине, сегодня эти слова звучат пророчески – более прочего притягивают в театр, к киноэкрану, к телевидению именно мелодрамы со своей интригой, но и непременно со своей глубиной чувств (очень часто предсказуемых с первого же кадра или с первой сцены!). И Борис Морозов не стесняется откровенного мелодраматического звучания «Зыковых», неназойливо наполняя его нотами современными и важными.

Придуманный режиссером музыкальный фон спектакля содержит именно эту двойственность: он полностью состоит из голоса **Федора Шаляпина**, с одной стороны, словно аккомпанирующего происходящему, с другой же – придавая действию дыхание времени и психологическую достоверность тех пересечений, что возникают в зрительском сознании между «тогда» и «сейчас». Начало и финал спектакля замыкаются кольцом: на сцену со всех сторон выходят персонажи – они кажутся растерянными на фоне неясных звуков паровоза, выкриков, но внезапно все смолкает, девчонка Степка (очень ярко играет ее молодая актриса **Наталья Чувашова**, ее пляски «под Шаляпина», ее бьющая через край радость жизни наполнены таким упоением игрой, что глаз не оторвешь от этого эпизодического персонажа!) подбегает к патефону, ставит на него пластинку и звучит: «На воздушном

океане, без руля и без ветрил...» – горькая и справедливая метафора нашего существования. Тогда, сейчас и, вероятно, всегда...

Неожидан в этом спектакле Михаил (**Илья Васильев**) – не слабый, спивающийся молодой человек, который мало о чем в жизни задумывается и согласен жениться по велению отца, а сильный, красивый, тонко все видящий вокруг мужчины, у которого одна болезнь – атрофия воли. Ему бы писать стихи (остроумно и иронично Борис Морозов вкладывает в его уста «Песнь о Буревестнике») и жить в доме тетки спокойной жизнью. Но этого не дано, и Михаил становится живой иллюстрацией к словам лесничего Муратова (очень интересно воплощенного **Дмитрием Гарновым**), отнюдь не циника, а скептика: «На детях сказывается усталость отцов» и «русский человек стремится прежде всего уйти из своей родной среды, а – куда, каким путем – это все равно». Илья Васильев очень верно рисует облик человека, стремящегося любым путем порвать со своей средой – не в силу революционных устремлений, а потому что никто (может быть, за исключением Софьи) не понимает и не желает понять, насколько он скован атрофией воли и стремится уединиться в своей «башне из слоновой кости». Потому и стреляет в себя.

Компаний Антипы Зыкова немец Хеверн в исполнении **Игоря Ткачева** – пожалуй, один из самых современных персонажей. Именно ему отданы слова: «Россия страдает прежде всего недостатком здоровых людей, умеющих ставить себе ясные цели». Отданы Горьким, более столетия назад, но разве не так же судят о нас сегодня наши немногочисленные западные друзья и оппоненты? Хеверн Игоря Ткачева откровенно и порой чрезмерно любит себя, но в сцене с Софьей его вылощенность заметно тускнеет, самоуверенность и улыбочность, словно маска, сползают с ясноглазого лица «очень честного человека». Разоблачение он переживает с достоинством, но остается осадок зрительской брезливости к Хеверну, возомнившему себя единственным цивилизованным в дикой стране.

Степка — Н. Чувашова

А Софья... Об этой роли надо сказать особо. **Вероника Васильева**, на которой во многом держится репертуар Белгородского театра, пожалуй, никогда еще не играла подобной роли. Сильная, красивая, молодая женщина, она взвалила на свои плечи все тяготы, все заботы зыковского лесопромышленного дела. Сдержанная, суховатая, уже больше дворянка по своему браку, чем кучиха по происхождению, Софья целеустремлена, поглощена делом, не позволяет расслабиться брату, переживающему горечь своего скоропалительного брака, понимает Михаила, терпит Анну Марковну, выясняет отношения с Муратовым и Хеверном, жалеет Павлу, хотя видит ее насквозь и знает, к каким последствиям приведет ее появление в семье. Вся в себе, минимум эмоций и – свидетельство ошибки Хеверна: здоровый человек, который не только поставил перед собой ясную цель, но и работает на нее...

В словах Софьи, обращенных к Хеверну: «Есть другая Русь, не та, от лица которой вы говорите! Мы – чужие люди...» – звучит отнюдь не революционный призыв, а твердое осознание самобытной страны, которой не надо слепо перенимать обычаи и привычки

других стран, а необходимо идти своим путем. Путем честного труда, когда каждый делает свое дело и отвечает за него, в первую очередь, перед самим собой.

О чем поставил сегодня Борис Морозов спектакль «Зыковы», эту, в сущности, мелодраму, семейную историю, в которой, словно в капле воды, отразилась жизнь страны на перепутье? Страны, потерявшей связь со своим прошлым и пытающейся обрести ее вновь трагическим путем. Страны, где здоровых людей с ясными целями не так уж много. Страны, в которой необходимо понять, что каждый должен честно заниматься своим делом, не поддаваться иллюзиям, жить своей собственной, незаемной жизнью. А еще – о том, что человек без дела гибнет духовно, а затем и физически.

Очень современный, важный и нужный спектакль украсил афишу одного из старейших театров страны, засвидетельствовав еще раз, как много возможностей таит в себе русский психологический театр.

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ
Фото предоставлены театром